

КУЛЬТУРНО-РЕЛИГИОЗНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ НА РУБЕЖЕ XVII–XVIII ВВ.

А.В. Скиженок

Аналитический центр святителя Василия Великого. Россия, 117292, Москва, ул. Кедрова, д. 4.

Преобразования во внутренней и внешней политике государств, произошедшие в Новое время, невозможно свести к простой совокупности изменений в тех или иных сферах жизни стран и народов. Изучая переход от одного к другому типу государственности, мы имеем дело с принципиальной трансформацией всего государственного организма, государства как феномена культуры, с изменением самого представления о том, что такое государство и каковы его цели, задачи и функции.

В России данные изменения протекали со своей культурно-исторической спецификой, которая во многом обусловлена религиозностью нашего народа, уходящей корнями в православие. Возникает вопрос, как культурно-историческая и религиозная идентичность русского народа повлияла на ход преобразований в сфере государственного устройства России в Новое время. В фокусе статьи находится внешнеполитический курс российского государства XVII–XVIII вв., строившийся, как доказывает автор, на основе культурно-религиозных ценностей.

Автор стремится обосновать мысль о том, что российская государственность, сформировавшаяся после преодоления Смуты и церковного раскола XVII в., сразу явилась примером подлинно имперской государственности, понимаемой как новый центр восточно-христианского мира.

В предшествующие века Россия столкнулась с крушением каркаса ойкумены, частью которой она себя позиционировала: Ферраро-Флорентийский собор и крах Византии – две вехи на пути разрушения основы той культурно-религиозной идентичности, которая являлась фундаментом российской государственности как части православного мира. Находясь перед лицом возможной дезинтеграции в культурно-историческом пространстве, Россия сумела воплотить в формах собственной культуры и государственности всю полноту идеи православной христианской ойкумены и возродить идею рухнувшей империи. Это великое и последнее в истории свершение было выражено в усвоении Россией лучших принципов восточно-христианской византийской государственности, сегодня именуемых исследователями «политическим исихазмом» или «синергийным примыкающим слоем».

Ключевые слова: Россия, Русская православная церковь, история международных отношений, раскол, модернизация, абсолютизм, идеология.

Целью данного исследования является определение влияния культурно-исторической и религиозной идентичности русского народа на трансформацию российской государственности в целом и на его внешнюю политику в частности в XVII-XVIII вв. На этом этапе своей истории Россия, продолжив воспринимать внешнюю политику как служение высшим духовным ценностям и нравственному идеалу православной веры в масштабах всего мира, значительно продвинулась в расширении своих дипломатических контактов и усилению своей внешнеполитической позиции за счёт обретения самостоятельных нравственных основ гражданской солидарности народа и воли к самоорганизации. Революция в феврале 1917 г., а затем крах СССР в 1991 г. стали двумя этапами одного процесса – постепенной потерей России её исконных основ государственности, укоренённой в православной духовной и нравственной традиции.

Исследование исторических истоков российской внешнеполитической идентичности обращает нас к периоду, когда российское государство стало противопоставлять агрессивным стремлениям извне собственную модель политического и идеологического развития. Таким временем в истории России стало XVII столетие, начавшееся с преодоления династического кризиса и интервенции ряда европейских держав и окончившееся формированием российской государственности нового типа, опиравшейся на административный аппарат и самодержавие как высшую форму народовластия. При государственности данного типа общество достигает такой консолидации, что его полнота находит отражение своей воли в одном лице. В ту же эпоху произошло формирование двух приоритетных направлений внешней политики, которые и в дальнейшем определяли внешнеполитическую идентичность России.

Первым таким направлением стало усиление позиций России на Ближнем Востоке. Его важность для российского государства напрямую исходит из практики церковно-государственных отношений. Ближний Восток как колыбель христианства, находившаяся под турецким владычеством, неизменно побуждал Россию прилагать усилия по освобождению этих земель от владычества Османской империи, защищать права и интересы православных христиан в регионе, бороться за независимость православных церквей и их территорий от османов.

Вторым направлением внешнеполитической идентичности России станет Северная Европа, тесные взаимоотношения с которой сулили России военно-техническое, хозяйственное и экономическое благополучие. Страны Северной Европы – Швеция, Дания, Голландия, Англия, Шотландия – были одной из наиболее развитых в экономическом, техническом и административном плане частей Старого света.

Установление тесных контактов с этими государствами, близкими России и географически, также превратилось в один из фокусов российской внешнеполитической идентичности. Последовавшее объединение Англии и Шотландии и формирование Британской империи обусловило выход российско-британских отношений на принципиально новый уровень: от взаимного тяготения и торгово-технического обмена к геополитическому противостоянию двух империй. Однако именно схожестью исторических судеб и геополитической близостью можно объяснить как первоначальный взаимный интерес, так и последовавший антагонизм российской и англо-саксонской внешнеполитических идентичностей.

Оба вектора внешнеполитической идентичности сохраняют своё определяющее значение для внешней политики России и сегодня. На протяжении последних четырёх столетий карта мира значительно изменилась: возникли новые государства и негосударственные участники международных отношений. Изменилась система международных отношений, её принципы и основания. Изменилось само государство как таковое. Однако ближневосточное и западное направление остаются геополитическими константами российского внешнеполитического курса. Их приоритет определяется ролью, которую они играли в период формирования российской внешнеполитической идентичности.

Затрагивая вопрос формирования внешнеполитической идентичности России, необходимо коснуться вопроса культурно-исторических и духовно-нравственных начал государственности в целом, в том числе и государственности российской.

Согласно утверждению Макса Вебера, «религиозные идеи не могут быть просто дедуцированы из экономики. Они в свою очередь, и это совершенно бесспорно, являются важными пластическими элементами «национального характера», полностью сохраняющими автономность своей внутренней закономерности и свою значимость в качестве движущей силы» [2; 266]. На этих же позициях стоит и автор данной статьи. Чтобы разобраться в сути процессов формирования, становления, развития и трансформации тех или иных социальных и государственных институтов, необходимо определить элементы духовной культуры и религиозной веры данного народа, которые лежали в основе формирования этих институтов.

Для рассмотрения духовно-нравственных истоков формирования внешнеполитической идентичности России обратимся к краткому экскурсу в историю православной мысли XIV столетия. Это время было отмечено чрезвычайным всплеском интеллектуальной активности народов Европы и обострением нравственного поиска в области богословия и гуманитарного знания.

■ Исследовательские статьи

В западной Европе это время стало временем Возрождения, эпохи Ренессанса, когда прежние богословские и философские категории, оставленные в наследие потомкам ещё античным миром, стали внезапно оживать и принимать новые формы рецепции в принципиально новом культурно-историческом контексте.

На Востоке это время стало временем фундаментальных открытий в области богословия и философии, которые позволили обосновать идентичность восточно-христианской самобытности и определили дальнейшую судьбу Римейской империи как самостоятельной духовной и нравственной мировоззренческой парадигмы, отличной от западной.

В середине века в Константинополе разразились ожесточённые богословские дискуссии, вошедшие в историю христианской мысли под названием паламитские споры. В центре дискуссии стоял вопрос о способности человека постигать Бога и окружающую реальность объективно, верно и истинно и во всей её полноте. Поводом к возникновению споров стали высказывания православного богослова и церковного деятеля Варлаама Калабрийского. Варлаам долгое время изучал античную философию и пришёл к выводу о том, что между человеком и Богом, а также между человеком и окружающим его миром существует граница, которая не позволяет человеческому разуму составить адекватное, правильное и полное представление о Боге и о человечестве. Как следствие, философия и богословие занимаются достижением не абсолютной, а относительной истины, достаточной для того, чтобы познать невозможность достичь подлинного богопознания и стать членом Церкви, механическое послушание которой восполняет недостающее знание человека и восстанавливает присущие его гностическим способностям дефекты.

Это учение было не просто частным богословским мнением отдельного учёного богослова, много лет прожившего в Западной Европе и увлекавшегося западноевропейским учением номиналистов об априорной ложности и относительной истинности любого высказывания. Это учение было поддержано императором и патриархом с мыслью о том, что такое учение будет близко утвердившейся парадигме апофатического богословия и беспрекословного послушания Церкви на западе, в Риме. Сближение богословских позиций хотели представить веским аргументом в пользу скорейшего примирения Константинопольской кафедры и Римской курии и организации крестового похода римских войск против турок, грозивших Византии очередным вторжением и завоеванием. Интересно, что именно с этой целью император неоднократно инициировал богословские диалоги с Ватиканом, представителем Константинополя на которых в 30-40 гг. XIV в. выступал именно Варлаам Калабрийский.

Учение Варлаама действительно было решительным шагом Константинополя в сторону радикального сближения богословских позиций с Римом и последующего признания правоты западно-христианского богословия. Поддержка множества иерархов Церкви в Константинополе и его видимая логичность делала учение Варлаама неотразимым с точки зрения рационального смысла и внутренней линейной логики, а внешнеполитическая и внутривнутриполитическая обстановка подталкивала к принятию его учения. Однако на пути у западного богословия в Византии встали монахи Афона во главе с главным проповедником нового учения о богопознании и познании как таковом Григорием Паламой. Его выступление стало ответной реакцией на деятельность Варлаама Кантабрийского, уже начавшего доминировать в церкви.

Согласно учению Григория Паламы, подлинное, объективное и цельное познание Бога, человека и окружающего мира возможно благодаря подлинному единению полноты Божественного и человеческого в Господе Иисусе Христе. Божественное и человеческое, вечное и временное соединились нерасторжимо во всей полноте. Но и в этом полном, нерасторжимом и всецелом единстве Божественного и тварного не произошло смешения с потерей субъектности. Божественное во Христе соединяется с человеческим неслиянно и нераздельно. Также неслиянно и нераздельно существует божественное и человеческое начало в жизни Церкви. Эта мысль напрямую вытекала из богословской интуиции, утверждённой паламитами. Отныне любое уклонение от этого антиномичного равновесия единства и субъектности в божественном и человеческом началах жизни церкви, империи, народа и духовной и нравственной жизни личности ведёт к искажению начала жизни и потере истинного понимания Бога, человека и окружающего мира.

В 1341 г. Константинопольский собор утвердил учение Григория Паламы как единственно истинное учение церкви в отношении о нетварной энергии Бога и истинной природе богообщения и богопознания.

Это богословское решение имело одно из самых мощных воздействий на последующую историю Византии, России, всей восточной Европы. Союз с Римом оказался внутренне невозможен, победа турок и падение Константинополя – неизбежными. Византийская церковно-политическая элита не восприняла учение Григория Паламы во всей его полноте. Воспитанная на мощных традициях неоплатонизма, на богатейших философских школах Древней Греции и Рима, тяготевшая к философской методологии античности, Римейская империя в лице многих своих представителей тяготела к западному богословию эпохи Ренессанса. Контакты с Римом продолжились, поиск союзнической помощи римского папы,

а также желание восстановить каноническое и догматическое общение с Римской курией имело большое значение для богословского самочувствия Константинопольской церкви. Однако внутреннее тяготение к стилю религиозного мышления западных богословов не снимало тех противоречий между Востоком и Западом в понимании христианства, которые учение Григория Паламы о Нетварном Свете предельно заострило и поставило во всей бескомпромиссной полноте.

Таким образом, после попытки объединения Константинопольской церкви с Римской курией на Ферраро-Флорентийском соборе, возникнет глубочайший внутренний раскол византийского общества. Этот раскол будет столь существенным, что Ромейская империя не переживёт внутреннего потрясения и падёт.

Влияние паламизма на историю культуры и государственности было столь чрезвычайным и значительным, что современные исследователи говорят о существовании такого специфического культурно-исторического явления как «политический исихазм». Этот термин впервые ввёл в научный оборот наш соотечественник, историк Г.М. Прохоров. В его работах под этим термином подразумевается то, что явления богословской и экклезиологической жизни народа такого масштаба как торжество учения Григория Паламы о Нетварном Свете с неизбежностью оказывают определяющее влияние на философскую мысль, идеологию, эстетическое творчество, этические воззрения и политическую жизнь своих современников и последующих поколений [15].

Сергей Хоружий, критикуя термин «политический исихазм», предлагает употреблять термин «примыкающий слой» относительно тех явлений общественной жизни, на которые оказало своё влияние учение о Нетварном Свете. К числу этого «примыкающего слоя» можно отнести и теорию и практику выстраивания общественно-государственных отношений, которые претерпевают значительное видоизменение вместе с осмыслением новой «синергической антропологии» [20].

К числу «примыкающего слоя» исихастических духовных практик исследователь относит и то, что в Византии, а затем и в России возникает идея неслиянного и нераздельного существования государственной и церковной власти. По аналогии двух самостоятельных природ, полностью единых и неделимых и в то же самое время субъектных, неслиянных, в личности богочеловека Господа Иисуса Христа, державное начало неслиянно и нераздельно сосуществует с церковным началом в жизни народа. Вообразить границу, где церковь и государство расходятся или переходят друг в друга, согласно этому пониманию, не представляется возможным. Достаточно знать, что где-то в теории эта граница должна быть и она есть, так как церковь и государство едины, но не-

слиянны. Так сформировалось представление об отдельном, но едином началах правления церковного и государственного, нравственного и правоохранительного начала в жизни общества, которое с высокой долей условности принято называть «симфонией властей».

Выдающийся отечественный историк Церкви и православный историософ М.В. Зызыкин выражает это явление «политического исихазма» и его влияния на «примыкающий слой синергической антропологии» такими словами: «Не то что Сам Император не вмешивался в дела Церкви согласно собственному разумению, но и сами государственные законы он преобразовывал в духе Церкви» [4].

Однако куда более важным является то, что для того, чтобы соответствовать «симфонии властей», император не обязан был быть глубоко религиозным, проводить своё время в монастырях и на богомолье, и отстраняться от принятия ответственных политических решений. Он обязан следовать имперской парадигме государственности, столь же чётко выраженной в опыте построения империи как модели организации жизни народов Вселенной, как чётко очерчены границы Вселенской Православной Церкви с её служением во всех народах всей земли.

Однажды В.А. Моцарт сказал: «Самое счастлирое время в моей жизни наступает тогда, когда я слышу одновременно в моей голове четыре части своей симфонии» [См.: 23]. Однако четыре части симфонии – самостоятельные музыкальные произведения, слышать которые одновременно невозможно в силу абсолютного различия музыкальных картинок, ритма, мелодии, даже состава инструментов и жанра. Однако именно в единстве различных частей и состоит симфоничность академической музыки. С естественной точки зрения слышать ухом четыре части симфонии одновременно невозможно. Однако возможно, если слух композитора имеет сразу четыре измерения, в каждом из которых одновременно звучит каждая часть симфонии: разная для одного измерения и тождественная во всех четырёх частях в разных измерениях. Так и симфоничность церковности и державности заключается не в перенесении религиозных категорий в государственное управление, а управленческих подходов – в жизнь церкви. Такое подражательство – плод беспомощности в осознании и освоении церковно-государственной традиции сотрудничества, освящённой веками. Подлинная симфония церкви и царства – это достижение ими полноты в развитии своего служения, не стремящегося к объединению усилий, разных по характеру, форме и внешнему виду, но внутренне единых в духе.

Понятие православного самодержавия – это не просто определение некоей формы правления, которое можно вписать в ряд прочих форм правления, таких как парламентская мо-

■ Исследовательские статьи

нархия или республика. Православное самодержавие – это самостоятельная категория православной историософии и идеологии. Корень возникновения этой категории находится в области учения Григория Паламы о Нетварном Свете, который, происходя в области духовной, привлекает к Себе всю материю и весь человеческий интеллект. Православное самодержавие рождается в свете этого просвещённого сознания. Оно существует неслиянно и нераздельно с церковным началом жизни народа. Нельзя провести грань, где заканчиваются границы Церкви и начинаются границы державы при православном самодержавии. Но нельзя также и смешать церковную жизнь с жизнью православного самодержавия. Православная вселенская церковь и православное самодержавие существуют в двух плоскостях исторического бытия. Эти плоскости не смешиваются и не разделяются. То, что в плоскости церковной жизни осуществляется как чистота веры и стояние в Истине, в плоскости самодержавия реализует себя как воля к суверенитету, защита здравых оснований справедливого суда и нравственного начала вместе с восприимчивостью под своё начало любой народ мира. Наоборот, то, что в церковной плоскости осуществляет себя как модернизм, экуменическое предательство веры и догматический синкретизм, а также падение нравственности, в плоскости самодержавия, державного строительства отражается потерей суверенитета, несправедливым судом, коррупцией, расшатыванием системы власти, потерей организующего начала государственности. Именно в рамках рассмотрения самодержавия как плоскости исторической жизни народа в мировой истории, нераздельной и неслиянной с плоскостью церковной жизни, мы рассматриваем здесь вопрос культурно-религиозного измерения внешней политики России и формирования её внешнеполитической идентичности.

Касаясь темы формирования российской внешнеполитической идентичности и того, в какой момент отечественной истории мы можем говорить о её зарождении, определимся со значением данного термина. Внешнеполитическая идентичность России понимается нами как культурно-религиозное самосознание политической элиты, определяющее необходимость обеспечить независимость государства путём укрепления централизованной власти и найти возможность утвердить Россию в качестве империи в системе международных отношений.

У истоков формирования российской внешнеполитической идентичности в XVII в. стояла Русская православная церковь. В 1612–1613 гг. она внесла колоссальный вклад в преодоление Смуты, сохранив свою структуру и единство. Принципиальной позицией и решительными действиями своих представителей Церковь обеспечила целостность русского народа и сохранение российской государственности,

определив возрождение России как независимого и самобытного государства.

После преодоления Смуты Русская православная церковь (РПЦ) оказалась самостоятельной и могучей силой, направляющей и определяющей вектор общественной жизни и путь развития государства.

Активно развивалась церковная дипломатия, расширялись и формализовывались отношения с представителями православных народов и церквей. Церковная дипломатия России XVII в. имела ярко выраженное ближневосточное звучание, так как особое место в международных связях Московского патриарха традиционно занимали связи с Константинопольскими, Иерусалимскими и Антиохийскими патриархами, чьи епархии находились под властью Османской империи. Ширились связи с православными общинами Сербии, Греции и Болгарии, также переживавшими период турецкого владычества. Были установлены контакты с православными епархиями Молдавии. Доминантой церковного мировоззрения во внешней политике оставались отношения с Малороссией и западнорусскими землями, принадлежавшими Речи Посполитой.

В 1620-е гг. состоялся визит патриарха Иерусалимского Феофана в Москву [18, с. 409], открывший череду визитов восточных патриархов в течение почти всего XVII в. В середине века визит в Москву Константинопольского патриарха Афанасия III [18, с. 416] обозначил контур проводившейся Никоном церковной реформы, которая затронула все сферы общественно-политической жизни России.

Особое место в становлении культурно-религиозной идентичности российской внешней политики заняла Переяславская Рада с последовавшим присоединением к России части православных земель Левобережной Украины. Примечательно, что решение о включении Малороссии и Запорожья в состав России и начало войны с Речью Посполитой за эти территории стало общим решением церкви, государства и народа, последним по-настоящему соборным актом в политической истории России. [11, с. 51].

Земский собор был уникальным произведением отечественной общественно-политической и религиозной мысли, в течение столетия обеспечивавшим единение церковного и государственного векторов развития общества, легитимацию жизненно важных решений царя и думы, в некотором роде – инструментом сакрализации государственной власти в России, приобретавшим тем большую роль в общественно-политической жизни, чем более ослабевала центральная государственная власть в периоды кризисов и потрясений.

Собор возглавлял царь, элита тогдашнего российского общества, а также патриарх и все иерархи, епископы и высокопоставленное духовенство. В работе Собора принимали уча-

стие представители всех остальных служилых сословий, съезжавшихся со всех территорий российского государства [Там же]. Земский собор представлял собой государственно-религиозный орган управления страной и обществом, обеспечивая единство государства и церкви, народа и власти.

В приведённой ниже таблице даны примеры того, как внешняя политика России XVII в. испытывала на себе влияние культурно-религиозного фактора.

В короткий, но интенсивный период правления патриарха Никона церковь стремилась встать в авангард просвещения общества. Ещё в 1640-е гг. возникло «Общество ревнителей благочестия» под руководством близкого царю боярина Ртищева. Общество объединяло в будущем непримиримых противников – женатых священников протопопа Аввакума и протопопа Ивана Неронова – с будущим патриархом, а тогда архимандритом Ново-Спасского монастыря Никоном. В рамках деятельности «Общества» был впервые поставлен вопрос о необходимости народного просвещения в России [См.: 12].

Церковь была к тому времени одним из крупнейших землевладельцев [1, 147-148]. Крупные монастырские угодья стали реальной хозяйственной силой и фактором веса в глазах общества и власти в условиях формирования общего национального рынка и экономического пространства России.

В момент, когда царь, вдохновляемый решениями Земского собора, отправился во главе русских войск воевать с Речью Посполитой за возвращение Малороссии в состав российского государства, патриарх Никон остался в Москве безраздельным правителем [Там же].

Казалось, настал апогей земного могущества церковной иерархии, эпоха торжества церковной дипломатии, определявшей внешнюю политику страны. Однако в своём стремлении к укреплению позиций в политической жизни страны Никон столкнулся с потерей внутренней стабильности в Церкви. Тяга к укреплению авторитета патриарха в обществе и усилению его роли в административной системе вызвали необходимость перемен в церковной жизни.

Однако, согласно самим изначальным основам православного мировоззрения, церковная иерархия не должна не только оказывать прямого влияния на принимаемые политическим руководством страны решения, но и в принципе переносить принципы державного строительства на ниву церковного делания.

Внутри Русской православной церкви стал назревать кризис. Повод для его возникновения нашёлся довольно быстро. Реформа богослужебного языка, попытка унификации церковной жизни, выстраивание жёсткой иерархической соподчинённости всех элементов церковной иерархии в структуре духовенства и прочие меры, проводившиеся патриархом Никоном, привели к одному из самых драматичных событий в истории русской православной церкви [5].

В церкви произошёл глубокий и непримиримый раскол. Часть общества, духовенства и мирян решительно отказались принимать нововведения Никона и его сторонников. Хотя эти нововведения ассоциировались с обрядовой стороной богослужебной деятельности, по сути решался вопрос власти и авторитета церкви в русском обществе [14].

Несмотря на то, что на первый взгляд события церковной жизни 50-60 гг. XVII в. явились страшным потрясением именно в плоскости церковной жизни русского народа, мы можем судить об их характере в истории церкви с точки зрения тех событий, которые в скором времени охватили российскую государственность. На сегодняшний день с высоты XXI в. мы можем с уверенностью сказать, что именно в середине века XVII закладывались те основы русской самодержавной государственности, которые приведут к возникновению великой российской империи в будущем. И в то же время – все исходные предпосылки для грядущего краха православного самодержавия в России и трагической судьбы русского монарха в XX в. также оказались внутренне сокрыты в исходных событиях формирования новой формы российской государственности в XVII в.

Однако имплицитно присущее российскому самодержавию антиномическое единство внешне несовместимых предпосылок к со-

«Земский дух» внешней политики России

№	Ценность	Внешнеполитическая акция
1.	Чистота православной веры, сопротивление западному влиянию	Преодоление Смутного времени и изгнание польского правительства из Москвы
2.	Единство православного мира	1. Провозглашение Москвы новым центром православного мира – «Третьим Римом» – и поддержка православных церквей Ближнего Востока 2. Реформа патриарха Никона, направленная на укрепление позиций Москвы в православном мире и сближение со странами православного Востока
3.	Единство русских православных земель, защита православных народов Европы и Ближнего Востока от мусульман Османской империи	Переяславская Рада, включение левобережной Украины в состав России и Великая война с Речью Посполитой. Участие России в военно-политических коалициях европейских стран, консолидировавших усилия в борьбе с Османской империей

■ Исследовательские статьи

зданию великой империи и её гибели тогда не представлялась заметной. Государственная власть ощущала потребность в выходе на мировую арену в качестве равноправного участника общеевропейской политической и экономической жизни. Ещё с середины XV в. у России начали складываться тесные экономические, дипломатические и военно-политические отношения со странами Северной Европы. С середины XVI в. постоянными торговыми партнёрами России стали Англия и Голландия. Царь Михаил Фёдорович стремился заключить брачный династический союз с представителями датской короны через брак своей дочери Ирины и принца Вальдемара. Для России это стремление к укреплению династических связей со странами протестантской Европы стало примером новых и самостоятельных ориентиров в построении внешнеполитического курса. Протестантская Швеция до этого не раз оказывалась близким России союзником в борьбе с католической Речью Посполитой.

Развитие международных отношений и дипломатических контактов с европейскими государствами стали суверенной задачей российской государственности, нашедшей собственное очертание вектора развития в истории, самостоятельного от предпочтений церковной иерархии, но проникнутого духом гражданского служения и державного начала в жизни народа.

Эти задачи решались уже в правление императора Петра I [См.: 13], объявившего своей стратегической задачей выход к берегам Балтийского моря, обеспечивающий развитие торговых и политических контактов с протестантской Европой, которая рассматривалась как основной источник технических новшеств для российской экономики.

Активные преобразования внутри страны сочетались с резкой активацией внешнеполитической деятельности России, так как к тому времени Россия уже стала неотъемлемой частью системы международных отношений в Европе и всякое действие внутри российского государства автоматически сказывалось и на действии за его пределами и наоборот.

В таблице, приведённой ниже, собраны некоторые факты внешнеполитической жизни российского государства конца XVII – начала

XVIII вв., отображающие изменение внешнеполитического курса страны.

Было бы неверным представлять себе реформы Петра I антирелигиозными или антицерковными. Он считал себя православным монархом, призванным защищать единоверцев на территории Европы и Ближнего Востока. Император продолжил линию своих ближайших предшественников по моральной и материальной поддержке церкви Ближнего Востока и Европы, находившихся под иностранным владычеством.

Ближневосточный и балканский векторы российской внешней политики уступили место североευропейскому вектору лишь на время Северной войны со Швецией, борьбы за выход к берегам Балтийского моря и строительства Санкт-Петербурга, т.е. в активную фазу модернизации всех сфер жизни российского общества по североευропейскому образцу.

Уже со второй трети XVIII в., превратившись во влиятельное европейское государство, Россия вновь вернулась к усилиям по распространению своего влияния на православные Балканы и христианский Ближний Восток. Екатерина Великая первой из числа российских правителей всерьёз вынашивала планы освобождения от турецкого владычества Босфора и Дарданеллы, а также исторического Константинополя. Эти земли признавались исторически православными, принадлежащими православной церкви и её пастве [3].

В XIX в. Россия несколько раз вела кровопролитные войны с Османской империей. В подавляющем большинстве случаев поводом и реальной их причиной была защита православных народов, сохранение их культуры, национальной самобытности, права на существование. Своими действиями Россия подтверждала статус покровительницы всех православных христиан в мире и реализовывала себя в качестве империи, предлагающей альтернативную парадигму развития общества на принципах, основанных на морали восточно-христианской церкви [5].

Перемены во внешнеполитическом курсе российского государства произошли в XX в. После революционных событий 1917 г. с последовавшими годами перемен и лихолетий российская дипломатия на продолжительный

Таблица 1.

Абсолютистская бюрократия и внешняя политика

№	Ценность	Имплементация
1.	Модернизация в военно-технической сфере	Установление тесных торговых и дипломатических отношений с Англией, Швецией, Данией, Голландией – странами с высоким уровнем промышленного и экономического развития.
2.	Модернизация экономики страны	Война со Швецией за выход к Балтийскому морю
3.	Современная система административного управления страной	Формирование бюрократических органов государственной власти и установление абсолютной власти монарха с опорой на бюрократический аппарат

Источник: составлено автором.

период отказалась от внешнеполитического курса, сформированного на протяжении предшествовавших столетий.

Появление целого ряда новых государств в результате распада трёх империй на европейском континенте, а главное, прихода к власти в России большевиков, стали причинами, определившими отказ Советской России от активной политики, направленной на поддержание прежних, дореволюционных центров силы – православных общин. Вплоть до начала второй мировой войны советская дипломатия была занята решением принципиально иных вопросов, мало интересующаясь проблемами православных христиан Центральной и Восточной Европы и Ближнего Востока.

Отношения с новыми государствами, такими как Королевство сербов, хорватов и словенцев, Венгрия, Польша и Чехословакия, привлекали внимание советской дипломатии раннего СССР. Однако в данном случае мы не можем говорить о преемственности, так как двусторонние отношения строились на принципиально иной основе. Религиозный и культурный факторы международных отношений не играли никакой роли. Дипломатия велась в иных целях и иными средствами, по-другому формулировались её задачи. Дореволюционная Россия была опорой православных народов, единым духовным и геополитическим центром притяжения православных народов. Советский Союз стал для новых государств Европы в лучшем случае одним из множества их партнёров.

Однако после окончания Второй мировой войны появилась тенденция к частичному возрождению традиционной внешнеполитической линии. По мере превращения Советского Союза в сверхдержаву и выхода СССР на мировую арену в качестве новой квазиимперии стало заметно, что государства, населённые православными народами, территории которых являлись исторически и культурно значимыми для России во все времена, становятся естественными союзниками СССР на внешнеполитической арене в условиях глобального противостояния со странами Запада.

Совпадение двух тенденций в развитии внешней политики России в дореволюционный и советский периоды, конечно, носит формальный характер. Не совпадали ни цели, ни средства, с которыми советская дипломатия выходила в регионы Ближнего Востока, как на Балканы. Иной была идеология и философия внешней политики. Отличались формы государственности новых стран и пути сотрудничества с ними. Однако трудно не заметить, по крайней мере, географического совпадения направлений развития внешней политики российского государства на протяжении трёх последних столетий. Стало явным, что государства, расположенные в юго-восточной и центральной Европе, а также на Ближнем Востоке, культурно ближе в Москве, чем к западному

миру. Это касается как социалистических стран ЦВЕ, так и просоветских режимов Ближнего Востока.

Таким образом, можно сделать вывод, что есть относительная и условная преемственность между внешней политикой российского государства на протяжении XVII–XX столетий, которая выражается в общей географии внешнеполитических приоритетов России при полном или частичном несовпадении их политической, идеологической, мировоззренческой и культурной интерпретаций.

На современном этапе мы наблюдаем процесс временного отчуждения стран юго-восточной и центральной Европы от России, их активной интеграции с Западом. Как и в первой половине XX в., этот процесс происходит на фоне упадка российского государства как глобального центра силы. Однако в последние несколько лет Россия стала активнее заявлять о своих интересах на Ближнем Востоке, на постсоветском пространстве, в Европе. И снова география внешнеполитических приоритетов полностью или во многом совпадает с той, которая была характерна для дореволюционной российской внешней политики. В той последовательности, которую мы проявляем в защите собственных интересов на территориях, исторически принадлежавших православному миру и по сей день являющихся его достоянием, есть проходящая сквозь века преемственность российской внешней политики.

В то же время невозможно не отметить, что современному российскому государству не хватает идеологического и культурно-религиозного оправдания своих притязаний на Балканах, в центральной Европе и на Ближнем Востоке. Не хватает чёткого осмысления духовных, религиозных, культурных и нравственных основ российской внешней политики, что делает попытки вернуть былое влияние в вышеперечисленных регионах недостаточными организованными и плохо обоснованными. Они направлены на решение тактических задач, но лишены стратегических целеполаганий, которые были основой внешнеполитической доктрины прежних столетий.

Современная внешнеполитическая доктрина российского государства исходит из модернистского представления о внешней политике как о преследовании интересов. Процитируем одно из заявлений президента Российской Федерации В.Путина 17 декабря 2015 г.: «Что касается таких понятий, как честь, достоинство, любовь, честность – это то, что, прежде всего, лежит в основе отношений между людьми. В отношениях между государствами имеют место быть интересы» [20]. Это заявление, сделанное в интервью российским СМИ, можно было бы считать отдельным высказыванием президента, если бы оно не было своеобразной квинтэссенцией внешнеполитического курса Российской Федерации. Современное российское государ-

■ Исследовательские статьи

ство прямо противопоставляет ценностям основам внешней политики исторической России новые ценности, авторитет которых пока не подтверждён никаким историческим опытом.

Мы говорили выше о том, что внешняя политика исторической России всегда исходила из библейской картины мира и основывалась на церковном мировоззрении. Конституция Российской Федерации отделяет церковь от государства и исключает возможность участия церкви и любых других религиозных объединений в формировании внешней политики.

В то время когда вопросы внешней политики в российском государстве подлежали ведению Земского собора и развивались в духе соборного решения народа – его правящих слоев, составлявших подлинную, а не условно именуемую, элиту общества – у российского государства была возможность выстраивать внешнеполитический курс согласно христианскому мировоззрению. Утрата соборности внешней и внутренней политикой России стала одним из тяжелейших ударов в российской истории рубежа XVII–XVIII вв. Вплоть до 1917 г. она компенсировалась соборностью православия, которое оказывало чрезвычайное влияние на государственную систему Российской империи.

Современные демократические институты призваны заменить и подменить собой соборность, через них происходит легитимация государственной власти, включая её внешнеполитические решения. Однако демократические ценности не преемственны ценностям соборности, а во многом даже противоположны им. Соборность – это единство всех в одном, а демократичность – это разделение общества на большинство и меньшинство. Соборность ставит в центр личность человека на основе добровольного единства всех, когда история Отечества переживается личностью как своя собственная. Демократия ставит в центр институт и избирательно возвышает одних над другими.

Внешняя политика исторической России была по-настоящему народной, то есть исходила из интереса русского народа и других народов России как культурных и духовных общностей. Внешняя политика Российской Федерации исходит из интересов политической нации как

группы людей, связанных между собой только формальным признаком гражданства. Так, Российская Федерация изъявила готовность защитить интересы абхазского и югоосетинского народов в 2008 г. перед лицом грузинской агрессии, обосновывая своё решение тем, что многие представители этих народов формально были гражданами Российской Федерации. Но по тому же формальному признаку Российская Федерация не предпринимает аналогичных действий по защите интересов русского народа на Украине.

Внешнеполитический курс исторической России был основан на сохранении пределов Отечества как земли, исторически являющейся достоянием русского народа и народов России. На протяжении столетий российское государство преследовало цель вернуть под свой контроль исторически русские земли, находившиеся под властью Польши, Речи Посполитой. Эти стремления сохранялись неизменными веками, так как исходили не из политической, экономической или любой другой конъюнктуры, а из самого понятия об Отечестве как о земле, данной народу Богом через предков. Внешняя политика была почвенной, земля – одним из самодостаточных факторов принятия внешнеполитических решений. Сегодня российское государство принципиально отказывается от апелляции к таким понятиям, как родная земля в отношениях с сопредельными государствами, многие из которых расположены на русской земле (это Белоруссия, большая часть Украины, Казахстана, и проч.).

Таким образом, можно сделать вывод, что современная внешняя политика Российской Федерации имеет некоторые черты формального сходства с внешнеполитическим курсом Российской империи, но в силу несовпадения её сущностных, базовых основ целеполагания, не может считаться вполне преемственной относительно внешней политики Российской империи. Переломными моментами, резко изменившими внешнеполитический курс России, были, прежде всего, революции XX в., хотя предшествовавшие им преобразования, начавшиеся ещё в XVII столетии, также вели к тому, что парадигма внешнеполитического курса нашей страны будет приобретать основу отличную от изначальной.

Список литературы

1. Биллингтон Дж. Икона и топор. Опыт истолкования истории русской культуры, М., 2011. 880 с.
2. Вебер М. Протестантская этика и развитие капитализма.//Вебер М. Избранные произведения. Пер. с немецкого. М., 1990. 352 с.
3. Век Екатерины II: Дела балканские. Отв. ред. В.Н. Виноградов; М., 2000. 295 с.
4. Зызыкин М.В. Патриарх Никон. Его государственные и канонические идеи. Варшава, 1931—1938. 1164 с.
5. К истории советско-турецких отношений. М.: Госполитиздат, 1958. 84 с.
6. Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Т. 1—2 М., 1996. 215 с.

7. Кедров Н. И. Духовный регламент в связи с преобразовательной деятельностью Петра Великого. — М., 1886. 300 с.
8. Ключевской В. О. Сочинения в восьми томах. Том VIII. Исследования, рецензии, речи (1890-1905), М., Издательство социально-экономической литературы, 1959. 427 с.
9. Кондратьев С. В. Революция XVII века в Англии. — М.: Академия, 2010. 192 с.
10. Костомаров Н. И. Очерк Торговли Московского государства в XVI и XVII Столетиях. С-Петербург. В Тип. Н. Тиблена и Комп., 1862. 299 с.
11. Никольский В. К. Земский собор о вечном мире с Польшей 1683—84 гг. // Научные труды Московского педагогического института. под редакцией проф. И. И. Месяцева. — М., 1928, вып. № 2.
12. Никон, Святейший Патриарх Всероссийский и основанный им Новый Иерусалим / под. ред. В.И. Шемякина, М., 1897. 297 с.
13. Павленко Н.И. Петр I, Издательство «Молодая гвардия», М., 2007. 595 с.
14. Папков А. И. Порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой: конец XVI-первая половина XVII века. Изд-во "Константа", 2004. 352 с.
15. Протоиерей Георгий Флоровский. Пути русского богословия, Париж, 1937 г. 848 с.
16. Прохоров Г.М. Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Повесть о Митяе / СПб.: Алетейя, 2000. 480 с.
17. Смолич И. К. История Русской Церкви: 1700—1917: В 2 частях. — М.: Валаамский монастырь, 1997. 451 с.
18. Тальберг Н. История Русской Церкви, Издательство Сретенского монастыря, М., 2008. 170 с.
19. Томсинов В. А. Юридические аспекты английской революции 1640—1660 годов. Период конституционной борьбы: ноябрь 1640 — август 1642 года. — М.: Зерцало-М, 2010. 250 с.
20. Феофан (Прокопович) Розыск исторически, коих ради вин, и въяковом разуме были и нарицалися императоры римстии, как язычестии, так и християнстии, понтифексами или архиереами многобожного закона; а в законе христианстем, християнстии государи, могут ли нарещиися епископи и архиереи, и в каком разуме, С-Пб: Санктпитербургская типография, 1721.
21. Хоружий С.С. «К уточнению понятия исихазм и «политический исихазм», 2012.
22. Черникова Т.В. Европеизация России во второй половине XV – XVII веках, М., Издательство «МГИМО-УНИВЕРСИТЕТ», 2012, 634 с.
23. Эйнштейн А. Моцарт: Личность. Творчество. Научн. ред. перевода Е. С. Чёрная. — М.: Музыка, 1977. — 455 с.
24. Kamen H. The War of succession in Spain, 1700—1715. — London, 1969.
25. Peter H. Wilson. The Thirty Years War. Europe's Tragedy. — Harvard: Harvard University Press, 2012.
26. Pierre Miquel, Les Guerres de religion, Paris : Librairie Arthème Fayard, 1980.
27. Roosen U. Y. The Age of Louis XIV: The Rise of Modern Diplomacy. Cambridge Univ. Press, 1976.
28. Vernadskij, Georgij V. The Expansion of Russia. New Haven : Yale Univ. Press, 1933.

Об авторе

Скиженок Алексей Владимирович – аналитик Центра святителя Василия Великого.

THE CULTURAL AND RELIGIOUS DIMENSION OF THE FOREIGN POLICY OF RUSSIA AT THE TURN OF 17TH AND 18TH CENTURIES

A.V. Skizhenok

Analytical Center of St. Basil the Great. 117292, Moscow, ul. Kedrov, d. 4.

Abstract: *The author of this article aims to examine the role and place of the Russian Orthodox Church in Russia's transition from the regional state of the Middle Ages to an absolutist state of Modern history.*

Transformations in states` domestic and foreign policies that took place in Modern history cannot be reduced to a simple set of changes in various spheres of life of states, nations and peoples. By studying the transition from one type of statehood to another one we are dealing with a fundamental transformation of the entire state organism, the state as a cultural phenomenon, with a change in the very notion of what a state is and what its goals, objectives and functions are.

The process of transformations in statehood affected all countries of the world including our Motherland. In Russia these changes had their own cultural and historical specificity which was largely formed by religiosity of our people and was rooted in the Orthodox faith. Therefore, the author considered it necessary to raise the question of how the cultural, historical and religious identity of the Russian people could influ-

■ Исследовательские статьи

ence the course of reforms in the sphere of the Russian state system in Modern history. The author focuses on the foreign policy of the Russian state built on cultural and religious values in 17th-18th centuries. This foreign policy is seen as an alternative paradigm of the modern Russia's foreign policy. The author believes that the modern Russian state does not shape its foreign policy on the basis of core values of the Russian world view arising from the religious consciousness of our people. This fact deprives Russia's foreign policy of unity with cultural and historical tradition of our state and in many respects weakens it. The article provides a possible answer to the question why a tendency to the framing of a foreign policy on the basis of values and religious outlook inherent in the Russian people did not prevail in the foreign policy of the Russian state.

Key words: Russia, Russian Orthodox Church, the history of the foreign policy, Schism, modernization, absolutism, ideology.

References

1. Billington Dzh. *Ikona i topor. Opyit istolkovaniya istorii russkoy kulturyi* [The Icon and the Axe. Experience in interpreting the history of Russian culture]. Moscow, 2011. 880 p. (In Russian).
2. Weber M. *Protestantskaia etika i razvitie kapitalizma* [The Protestant Ethic and the development of capitalism] in Weber M. *Izbrannye proizvedeniia* [Selected works]. Trans. from German. Moscow, 1990. 352 p. (In Russian).
3. *Vek Ekateriny II: Dela balkanskie* [Age of Catherine II: Balkan affairs]. Ed by V.N. Vinogradov. Moscow, 2000. 295 p. (In Russian).
4. Zyzyikin M.V. *Patriarh Nikon. Ego gosudarstvennyie i kanonicheskie idei* [Patriarch Nikon. His public and canonical ideas]. Warsaw, 1931—1938. 1164 p. (In Russian).
5. *K istorii sovetsko-turetskikh otnosheniy* [On the history of the Soviet-Turkish relations]. Moscow: Gospolitizdat, 1958. 84 p. (In Russian).
6. Kapterev N. F. *Patriarh Nikon i tsar Aleksey Mihaylovich* [Patriarch Nikon and Tsar Alexei Mikhailovich]. Moscow, 1996. 215 p. (In Russian).
7. Kedrov N. I. *Duhovnyy reglament v svyazi s preobrazovatelnoy deyatelnostyu Petra Velikogo* [Spiritual regulations in connection with the transformative work of Peter the Great]. Moscow, 1886. 300 s. (In Russian).
8. Klyuchevskoy V. O. *Sochineniya v vosmi tomah. Tom VIII. Issledovaniya, retsenzii, rechi (1890-1905)* [Works in eight volumes. Volume VIII. Research, Reviews, speech (1890-1905)]. Moscow, Izdatelstvo sotsialno-ekonomicheskoy literatury, 1959. 427 p. (In Russian).
9. Kondratev S. V. *Revolutsiya XVII veka v Anglii* [Revolution of the XVII century in England]. Moscow: Akademiya, 2010. 192 p. (In Russian).
10. Kostomarov N. I. *Ocherk Torgovli Moskovskogo gosudarstva v XVI i XVII Stoletiyah* [Essay Moskovskogo States Trade in XVI and XVII centuries]. S-Peterburg. In Type. N. tibra and Comp., 1862. 299 p. (In Russian).
11. Nikolskiy V. K. *Zemskiy sobor o vechnom mire s Polshey 1683—84 gg.* [Zemsky Sobor on eternal peace with Poland 1683-84] in Nauchnyie trudy Moskovskogo pedagogicheskogo institute [Proceedings of the Moscow Pedagogical Institute]. Ed by I. I. Mesyatseva. Moscow, 1928. (In Russian).
12. Nikon, Svyateyshiyy Patriarh Vserossiyskiy i osnovannyiy im Novyyiy Ierusalim [Nikon, Patriarch of All Russia, His Holiness and he founded the New Jerusalem]. Ed by V.I. Shemyakina. Moscow, 1897. 297 p. (In Russian).
13. Pavlenko N.I. *Petr I* [Peter I]. Molodaya gvardiya Publ. Moscow, 2007. 595 p. (In Russian).
14. Papkov A. I. *Porubezhe Rossiyskogo tsarstva i ukrainskikh zemel Rechi Pospolitoy: konets XVI-pervaya polovina XVII veka* [Borderlands of the Russian kingdom and Ukrainian lands of the Polish-Lithuanian Commonwealth: 16-17 century]. Konstanta Publ., 2004. 352 p. (In Russian).
15. Protoierey Georgiy Florovskiy. *Puti russkogo bogosloviya* [Ways of Russian Theology]. Paris, 1937. 848 p. (In Russian).
16. Prokhorov G.M. *Rus' i Vizantiia v epokhu Kulikovskoi bitvy. Povest' o Mitiaie* [Rus and the Byzantine Empire in the era of the Battle of Kulikov. Tale of Mitya]. SPb.: Aleteiia, 2000. 480 p. (In Russian).
17. Smolich I. K. *Istoriya Russkoy Tserkvi: 1700—1917* [History of the Russian Church: 1700-1917: In 2 parts]. Moscow: Valaamskiy monastyir, 1997. 451 p. (In Russian).
18. Talberg N. *Istoriya Russkoy Tserkvi* [History of the Russian Church]. Moscow, 2008. 170 p. (In Russian).
19. Tomsinov V. A. *Yuridicheskie aspekty angliyskoy revolyutsii 1640—1660 godov. Period konstitutsionnoy borby: noyabr 1640 — avgust 1642 goda* [Legal Aspects of the English Revolution, 1640-1660. The period of the constitutional struggle: November 1640 - August 1642]. Moscow: Zertsalo-M, 2010. 250 p. (In Russian).
20. Feofan (Prokopovich) *Rozyisk istoricheskii, koih radi vin, i v'yakovom razume byili i naritsalisyia imperatoryi rimstii, kak yazyichestii, tak i hristianstii, pontifeksami ili arhiereami mnogobozhnago zakona; a v zakone hristianstem, hristianstii gosudari, mogut li nareshchisya episkopi i arhierei, i v kakom razume* [Feofan (Prokopovich) Searching historically, for the sake of which wines and vyakovom mind were called by emperors Riemst as

yazychestii and hristiyanstii, Pontifex or bishops mnogobozhnago law; and in the law hristianstem, hristiyanstii sovereigns, whether nareshchisya bishops and bishops, and in which the mind]. S-Pb: Sanktpiterburgskaya tipografiya, 1721. (In Russian).

21. Khoruzhii S.S. *Kutochneniiu poniatiia isikhazm i "politicheskii isikhazm"* [To clarify the concept of Hesychasm and political hesychasm]. Moscow, 2012. (In Russian).
22. Chernikova T.V. *Evropeizatsiia Rossii vo vtoroi polovine XV – XVII vekakh* [The Europeanization of Russia in the second half of the XV - XVII centuries]. Moscow, MGIMO-University press. 2012, 634 p. (In Russian).
23. Einshtein A. *Motsart: Lichnost'. Tvorchestvo* [Mozart: Personality. Creation]. Ed. by E. S. Chernaia. Moscow: Muzyka, 1977. 455 p. (In Russian).
24. Kamen H. *The War of succession in Spain, 1700—1715*. London, 1969.
25. Peter H. Wilson. *The Thirty Years War. Europe's Tragedy*. Harvard: Harvard University Press, 2012.
26. Pierre M. *Les Guerres de religion*. Paris: Librairie Arthème Fayard, 1980.
27. Roosen U.Y. *The Age of Louis XIV: The Rise of Modern Diplomacy*. Cambridge Univ. Press, 1976.
28. Vernadskij G.V. *The Expansion of Russia*. New Haven: Yale Univ. Press, 1933.

About the author

Alexey V. Skizhenok – analyst in The st. Basil analytical center, Chief Editor of the site of the center..